

Если сравнивать жизнь девочки с жизнью Кун Даго, то последний явно оказался в аду. Ян Ли, увидев, что обещанные дом и деньги так и не появились, наотрез отказалась разводиться. А ее любовница продолжала давить на него, угрожая сделать аборт, если он не женится на ней официально.

Кун Даго был измотан, и его состояние только ухудшалось.

Но это еще не самое страшное. Самое страшное было то, что настал срок выплаты долга, а у него в кармане не было ни гроша.

18 000 юаней основного долга плюс 7 000 процентов, всего 25 000 юаней.

Четверо или пятеро крепких парней загнали его в угол, и Кун Даго чуть не обмочился от страха.

Он стоял на коленях, умоляя дать ему еще немного времени.

Один из мужчин, с татуировками на теле, поиграл палкой в руках и что-то шепнул ему на ухо.

Кун Даго побледнел и, запинаясь, сказал:

— Моей старшей дочери всего четырнадцать!

— Четырнадцать — уже немало! — один из хулиганов с похабной ухмылкой сказал. — Я просто сводничаю. Парень, который хочет жениться, хороший человек, и внешность у него приличная. Если твоя дочь выйдет за него замуж, он даст тебе 10 000 юаней в качестве приданого. Как насчет этого?

Услышав сумму, Кун Даго сразу же загорелся. Его глаза забегали, и, наконец, он решился согласиться.

После того, как он ушел, один из подручных хулигана сказал:

— Сунь Дачжуану уже почти пятьдесят, жаль, что девочку отдают за него.

— Жаль? — хулиган посмотрел на него с презрением. — Следите за этим Кун Даго, он — рыба, с которой можно содрать много шкуры. Вы же любите играть в карты, так возьмите его с собой. С его характером он быстро подсядет на азартные игры, и тогда он будет нам должен еще больше.

— Гениально! — мелкий хулиган поднял большой палец, лицо его сияло от лести.

— Ха-ха-ха, учись, парень!

Кун Даго полностью оправдал их «злые» ожидания. Продав старшую дочь, он не успел даже согреть 10 000 юаней, как проиграл их все в карты.

У большинства игроков есть надежда, что в следующей игре они «отыграются», поэтому за следующий месяц Кун Даго накопил не 25 000, а целых 250 000 юаней.

Рыба клюнула, и «рыбак» больше не хотел ждать. Те, кто раньше называл его братом, внезапно изменились и стали требовать возврата денег, угрожая ему ножом.

— На самом деле, есть выход, — хулиган, глядя на избитого и измученного Кун Даго, сказал с

намеком. — Я знаю, что тебе действительно трудно, и сразу такую сумму не собрать. Поэтому я могу предложить тебе один путь. Как насчет этого?

— Какой... какой путь? — Кун Даго, дрожа, поднял голову. Сломанная челюсть мешала ему говорить.

— В вашей деревне много мальчиков, — хулиган произнес эту фразу, казалось, ни к селу ни к городу.

Кун Даго недоуменно моргнул.

— Брат, я скажу тебе прямо, — хулиган оскалился, и его улыбка была зловещей. — Мы занимаемся похищением детей. Если ты согласишься присоединиться к нам и похитишь несколько мальчиков в вашей деревне, я прощу тебе весь долг!

— Вы... вы похитители? — Кун Даго широко раскрыл глаза от удивления.

Остальные засмеялись, и один из них с угрозой сказал:

— Теперь, когда ты знаешь нашу тайну, ты должен помогать нам, иначе мы убьем тебя. Ты умный человек, Кун Даго, ты понимаешь, что делать?

Кун Даго, слыша одно «убить» за другим, чуть не обделался от страха.

Он тут же согласился помочь им похитить несколько мальчиков.

Так, шаг за шагом, они разработали план.

Среди всех этих мыслей у Кун Даго возникла еще одна идея.

Ли Цинжань тоже мальчик, и, учитывая, что у него «нет родителей», если он пропадет, никто не будет его искать.

Если он продаст его, то не только получит деньги, но и Ван Шоуминь, потеряв его, не сможет требовать возврата долга за лечение. Тогда дом и земля станут его.

Чем больше он думал, тем больше ему нравилась эта идея, и он уже видел перед собой светлое будущее.

Он даже не думал о том, что продает своего племянника.

Конечно, такой человек, который готов продать собственную дочь, вряд ли будет заботиться о таких вещах.

Ван Даху с раздражением посмотрел в потолок, чувствуя, как утомительно слушать эту женщину.

— Учитель, я действительно виноват! Я обещаю, что с сегодняшнего дня больше не буду трогать Сунь Дачжуана, хорошо?

Учительница Чжао поправила очки с огромными линзами и строго продолжала:

— Это уже восьмой раз, когда ты даешь мне такие обещания! Вы все одноклассники, должны дружить, а ты только и делаешь, что обижаешь других. Не думай, что раз ты внук старосты

деревни, то можешь делать что угодно! Я на это не куплюсь!

Услышав это, Ван Даху усмехнулся и резко ответил:

— Мой дед действительно староста, но вы, учитель, тоже тетя Сунь Дачжуана. Кто здесь злоупотребляет положением?

Учительница Чжао побледнела от злости.

В кабинете были и другие учителя, которые с интересом наблюдали за происходящим, что только усилило ее смущение.

— Вы только говорите, что я обижаю Сунь Дачжуана, но почему не спрашиваете, что он сам делает? Кладет кнопки на мое место, оставляет гнилые остатки еды в моем столе, ломает все карандаши в моем пенале, пишет грязные слова на доске объявлений... Почему вы об этом не говорите? Я, Ван Даху, пришел в школу учиться, а не терпеть издевательства. Если он сам ищет неприятностей, то я просто даю ему то, что он заслуживает.

Конечно, все это Сунь Дачжуан делал Ли Цинжаню. Но для Ван Даху это было еще хуже, чем если бы это делали ему.

Учительница Чжао была ошарашена его словами. Она была строгой и консервативной, и в спорах ей было не сравниться с Ван Даху, поэтому она не могла найти, что ответить.

Ван Даху с презрением скривил губы. В его глазах такой человек не заслуживал звания «учителя».

Иначе почему, когда Ли Цинжань пропал в горах, она, как классный руководитель, даже не попыталась его найти? Просто поверила словам незнакомца: «Наш ребенок больше не будет учиться», и все.

В итоге, она просто безответственная и равнодушная.

— Уже поздно, дедушка ждет меня на ужин. Учитель, до свидания! — Ван Даху помахал рукой и, взяв сумку, вышел из кабинета под красным лицом учительницы.

Выйдя из школы, Ван Даху зевнул. Недавно наступила зима, и с каждым днем становилось все холоднее.

Он пошел по привычной дороге к дому Ли Цинжания.

Открыв дверь, он заглянул внутрь и увидел, что на кровати сидит только Пятая.

— Раньжань еще не вернулся? — спросил он.

Услышав его голос, Пятая вздрогнула. Ее лицо выражало страх, и она начала дрожать.

— Что с тобой? Ты заболела? — Ван Даху подумал, что девочка заболела, и потрогал ее лоб.

Пятая скривила лицо, и слезы потекли по ее щекам.